

© 2020 г.

С.Э. ЯЛОВИЦЫНА

ВЛИЯНИЕ «ОПЫТА ВОЙНЫ» НА СОЦИАЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ МИГРАНТОВ (на основе биографических интервью)

ЯЛОВИЦЫНА Светлана Эркиевна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института языка, литературы и истории ФИЦ КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия (jalov@yandex.ru).

Аннотация. Рассматриваются вопросы социальной адаптации мигрантов на основании текстов глубинных биографических интервью. Исследование проводилось в 2018 г. в Республике Карелия среди переселенцев с территории Кавказа и Средней Азии: аварцев, азербайджанцев, армян, даргинцев, ингушей, таджиков, узбеков, чеченцев. Опрошенным относятся к категории вынужденных мигрантов, попавших на территорию Карелии преимущественно с середины 1980-х гг. (до 2013 г.) в результате локальных военных конфликтов. Используется метод биографических стандартов – повторяемых биографических структур и дискурсов. С их помощью выявляются актуальные для мигрантов проблемы адаптации к жизни в новых условиях. Анализ дополнен определением ключевых содержательных категорий, обнаружением противоречий и сомнений, позволяющих выйти на конфликты личности и социума и понять вызовы социальной адаптации на изучаемой территории. Выявленные биографические стандарты и типичные содержательные категории свидетельствуют об оттеснении травматического опыта локальных войн у мигрантов проблемами включенности в принимающее общество, мимикрии в нем. Память о Великой Отечественной войне, ее консолидационный с точки зрения межнациональных отношений потенциал служит этим интересам.

Ключевые слова: переселенцы • миграция • социальная адаптация • идентичность • биографический стандарт • интервью • война

DOI: 10.31857/S013216250008807-0

Методология исследования. Социальная адаптация – феномен и общественный, и личностный. Его изучение может происходить на разных уровнях: изучение массовых общественных процессов (состав населения, его движение) или психологических изменений личности под влиянием новой среды. В последнем случае нужно учитывать, что в основе любой субъективации, например в биографических интервью, лежат общественные образцы [Felden et al., 2015: 79]. Следовательно, субъективные высказывания респондентов позволяют изучать социальную реальность. В свою очередь, личностный опыт – основа общественных контекстов [Bauer, 2018: 28]; любая интерпретация в интервью представляет собой сумму личной биографии и социальных условий [Heinze, 1995].

Особенность изучения биографий в сравнении с официальным документом – большее внимание к оценке, рефлексии [Bauer, 2018: 29]. Способность биографа ретроспективно устанавливать смысловые связи между событиями и переживаниями [Alheit, 1990]

позволяет извлекать из интервью не факт, а оценочный нарратив, который, как правило, имеет определенное распространение в обществе. Повтор мотивов [Flick, 1995], которые мы встречаем во многих интервью, позволяет говорить о так называемом стандарте биографии – наиболее популярном варианте жизнеописания в изучаемом обществе. По наличию такого стандарта(-ов) можно судить о степени плюрализации общества и его стабильности [Bauer, 2018: 31].

Выявление биографических стандартов – метод, позволяющий систематизировать сложную, насыщенную фактами, текучую информацию, представленную в рассказах о жизни. Задача исследователя здесь редуцировать комплексность высказываний до смысловых единиц; анализируемые отрезки текста обобщаются и парафразируются на основе теоретических посылок исследования. Парафразы сокращаются до четкой категории; примерами в изучении социальной адаптации мигрантов могут быть «поддержка соплеменников» или «потеря родины». Опора на категории позволяет строже анализировать дискурсы респондентов [Шербакова, 2009: 42–43].

Важный метод изучения текстов интервью – обнаружение противоречий в нарративах. Исследователи отмечают, что в противоречиях, изломах правил, в ситуациях, которые побуждают к сомнению, заметен социальный контекст [Bauer, 2018: 161; Ludwig, 2005]. Поэтому особое внимание к этим моментам и фрагментам интервью позволяет эффективнее обнаружить проблемы социальной адаптации.

Объем статьи не позволяет обратить внимание на все нюансы адаптации переселенцев, поэтому для представления избрана тематика влияния «опыта войны» на социальную адаптацию мигрантов в Карелии. Под словосочетанием «опыт войны» мы понимаем не только присутствие в зоне военного конфликта, но и бегство с мест эскалации, последствия таких событий: материальные, социальные, психологические. Сосредоточение на фрагментах интервью об «опыте войны» – проблематике, которая косвенно касается социальной адаптации на новом месте, позволило выявить дискурсы, наиболее актуальные для современного мигранта. Такой маневр в беседах позволял респондентам, говоря о персональной истории, не заикливаться на проблемах сегодняшних. Однако любая интерпретация прошлого опирается на настоящее [Ассман, 2014].

Для проведения интервью был разработан авторский инструментарий – сформулированы исследовательские вопросы, разработан перечень тем глубинного интервью. Тематика бесед охватывала рассказы о разных периодах жизни, о создании семьи, о переезде и его причинах, о воспитании детей, о трудоустройстве и пр. Каждый из этих аспектов преломляет проблемы и особенности социальной адаптации мигрантов – ключевой вопрос исследования. Разработка категориального аппарата, кодирование полученных текстов, работа с фрагментами интервью позволили рассматривать главную тему в разных контекстах, один из которых представлен в данной статье.

Характеристика опрошенных. Субъект исследования – переселенцы, оказавшиеся в Карелии в 1990-е и последующие годы в результате локальных военных конфликтов: Нагорный Карабах, Чечня и Ингушетия, Таджикистан. Для интервьюирования (каждая беседа длилась 1,5–2 часа) избирались представители переселенцев с территории Кавказа и Средней Азии, которые, по их словам, часто сталкивались со сложностями адаптации в Карелии. Они объяснялись природно-климатическими условиями республики, внешними антропологическими, поведенческими особенностями переселенцев¹.

Интервью проводились в 2018 г. в Петрозаводске, Олонце, Костомукше. Опрошено 10 мужчин и 9 женщин, из них представители аварцев (1 чел.), азербайджанцев (4 чел.), армян (3 чел.), даргинцев (2 чел.), ингушей (2 чел.), таджиков (1 чел.), узбеков (4 чел.),

¹ «Опросы и беседы показали, что немалая часть жителей Петрозаводска достаточно негативно относится к конкретной группе инородцев с неславянской внешностью. Главным объектом своего недружелюбного отношения петрозаводчане выбрали кавказцев». В Карелии зафиксирован всплеск национальной нетерпимости. URL: <http://www.zaks.ru/new/archive/view/45573> (дата обращения: 12.10.2018).

чеченцев (2 чел.). Важным критерием был срок жизни в Карелии – не менее 5 лет, так как хотелось получить мнение людей, которые имеют опыт жизни в Карелии и взаимоотношений с местными жителями. Поскольку беседа социологом велась на русском языке, принципиальным был момент владения им. Аудиозаписи интервью и транскрипты хранятся в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ФА). Имена респондентов изменены.

Анализ данных интервью. Военные события – всегда травма для людей, что не может не влиять на их социальную адаптацию, где бы они ни оказались после их окончания. Поэтому, говоря о биографическом стандарте интерпретации респондентами «опыта войны», мы уверенно столкнемся с различными преломлениями этого травматического опыта. Для кого-то главное – потеря родных, для других – утрата имущества, для третьих – приобретенное чувство страха и потерянная родина. Попробуем определить наиболее распространенный дискурс и его влияние на современную жизнь, планы опрошенных (например, возвращение на прежнее место жительства).

Предчувствие беспорядков и войны, отсутствие законности – повторяющийся контекст объяснения мигрантами отъезда с родины. *«Когда в Чечне всё это начиналось, отец нам всем сказал: “Езжайте куда хотите. Уезжайте из этой Чечни”. ...он чувствовал, что что-то будет. В 1991 году, когда я сюда [в Карелию] приехал, развал как раз начался в Чечне»* (Ибрагим, чеченец, 1971 г.р.)².

Подобные высказывания, в том числе апелляция к опыту старших, характерны для опрошенных, особенно для жителей Кавказа: там авторитет старших традиционно высок. В интервью того же респондента мы находим пример противоречия при оценке социальной ситуации начала 1990-х гг. в Чечне: **«Ибрагим:** Я в 1991 году уже оттуда уехал. Сказать правду, в 1991 году по сравнению с тем, как жила Россия в целом, Чечня очень хорошо жила. До начала чеченской кампании всё было нормально. За хлеб платить не надо было, бесплатно был. За газ платить не надо было, за свет платить не надо было. Автобусы тоже бесплатные были. Плюс любой предприниматель мог работать без всяких налогов. Ни с кого налоги не взимались. **Интервьюер:** Ничего себе. Коммунизм у вас прямо был какой-то!? **Ибрагим:** На самом деле так и было! Ничего не было, ни за что не платили. Люди жили хорошо, скажу правду. <...> Честное слово это было! Это тяжелые времена были для всех. У нас отцы всегда запас делали. Запас муки, мясо. Всего этого запаса держали, потому что они видели это не один раз. Не буду врать, говорю правду как есть. Беспредел ощущался, конечно. Беспредел был. Закона не было. Но не такой как в 1997–98 годы. Это между первыми и вторыми кампаниями. Всё равно порядка не было. Этого порядка и в России не было» (Ибрагим, чеченец, 1971 г.р.)³.

При анализе первого и второго абзацев во фрагменте предстают два образа Чеченской Республики. Перед респондентом стояла задача, с одной стороны, аргументировать причины своего отъезда, с другой – говоря о родине, подчеркнуть ее достоинства. Выказанное интервьюером в ходе интервью сомнение в таком широком спектре социальных благ в республике начала 1990-х гг. подтолкнуло респондента к актуализации в рассказе не только положительных сторон жизни тогдашнего вайнахского общества. Соседство двух этих мотивов в интервью при объяснении причин отъезда и возможности возвращения встречалось практически в каждом разговоре.

Двойственность проявляется и в том, что почти каждый из опрошенных говорит о необратимых изменениях в социуме и образе края, который был когда-то родным. *«У меня очень много есть воспоминаний с моего детства. С того времени, как я жила с родителями. Про Грозный, в котором я родилась и выросла. Непосредственно люди, соседи. Все эти воспоминания они меня, как вам сказать, радуют. <...> Несмотря на то что я очень много прошла испытаний. Я прошла голод, я много что видела. Я видела бомбежки, обстрелы,*

² ФА, оп. 3876, ед. хр. 16. С. 3.

³ Там же. С. 4.

я была под ними. Я просто не стала злым человеком, я не обозлилась. **Для меня нет хорошей или плохой нации. У меня есть просто люди хорошие и люди плохие** [выделено мной. – Прим. С.Я.] <...> Я со всеми нахожу общий язык. Моя реликвия – это воспоминания. Я ими живу, радуюсь. И даже детям иногда рассказываю, как мы там жили, как интересно, как дружно. <...> А вообще, даже взять тот же Грозный, если я сейчас вернусь туда, я уже того детства, которое у меня было там и в котором я выросла, я уже там не увижу» (Малика, даргинка, 1973 г.р.)⁴.

Обратим внимание на слияние контекстов в интервью. Респондент явно связывает изменения в чеченском обществе с военными событиями, настаивает на том, что ее прежняя родина сохранилась теперь только в воспоминаниях и вернуть ее невозможно. Добавление к этой интерпретации сюжета о нациях («нет хорошей или плохой нации») свидетельствует и о высокой актуальности для респондента межэтнических отношений, которые она теперь отвергает, ставя на первый план отношения человека к человеку.

В интервью с мигрантами тематика «двойной родины» особенно проявляется при обсуждении судеб детей, родившихся или большую часть жизни проживших в Карелии. «Это наша вторая Родина. У нас здесь дети растут, в школу ходят, у нас здесь уже, как бы сказать... И для них это Родина. Вот где человек родился, где человек вырос, для них это Родина. <...> Вот я на своих детей смотрю, когда мы уезжаем туда [в Азербайджан]. <...> А они уже через месяц: “Мы домой хотим”. Я говорю: “Это же ваш дом”. “Нет, мы в Олонец хотим”» (Зара, азербайджанка, 1995 г.р.)⁵.

Респондентам задавался вопрос о перспективах возвращения на прежнее место жительства. Большинство говорили, что хотели бы вернуться, но затем приводили обстоятельства, которые не позволяют этого сделать. Среди них: налаженный бизнес, желание обучить детей, возможность заработка и др. Эти преимущества, по их мнению, с лихвой покрывают ностальгию по родным местам, куда можно съездить в отпуск.

В ряде случаев дети (точнее, респонденты, которые были детьми в момент разворачивания конфликтов в их республиках) также носители воспоминаний о войне, куда непременно вплетаются этнические мотивы. Для примера два отрывка.

«Мы три дня проживали под стрельбами. Не знали, мы доедем вообще куда-нибудь или нет. <...> Я плакала, не хотела уезжать. Но мы маленькие были, у нас выбора не было. Как родители сказали, так и надо делать. <...> [Моя] двоюродная сестра младшая в 1 класс пошла как раз. Писала сочинение в 1 классе, как она побывала на войне у бабушки. Было страшно. <...> Все равно было тяжело начинать все заново. Жить в другом городе, учиться. Вроде, со стороны одноклассников такого не было, **что вот, мол, приехала, армянка или что** [выделено мной. – Прим. С.Я.]. Дружные классы были, что у меня, что у брата. Такого не было и в городе не было. Все равно война оставляет след. Стрельба вот эта снилась. Страшно. Но мы видели, как ГРАДом стреляли рядом. Все равно вот эти воспоминания остаются на всю жизнь» (Лада, армянка, 1982 г.р.)⁶.

«**Интервьюер:** Вот скажите, для вас ситуация в Карелии такого интернационализма, она комфортна? **Карен:** Да. Я человек такой. Хочется, чтобы мне не мешали жить. И я приложу все усилия, чтобы создать хорошие условия для моих собеседников, друзей. Я человек неконфликтный. Ни разу за всю жизнь, сколько себя помню, ни разу не вступал в серьезные конфликты. Случались иногда перепалки. Но где их [не бывает]. **Любая нация такая. Где-то хорошие, где-то плохие** [выделено мной. – Прим. С.Я.]. **Интервьюер:** Вот даже чувство родины для вас не перевешивает..? **Карен:** Для меня нет. Хочется спокойно жить. Потому что в свое время, когда первый раз туда [в Абхазию] приехали, класс 6 или 7 был, летом ездили туда на каникулы и с соседом мы там под перестрелку попали. Потому что в послевоенное

⁴ФА, оп. 3876, ед. хр. 5. С. 10.

⁵Там же, ед. хр. 17. С. 14.

⁶Там же, ед. хр. 19–20. С. 3.

время многие грузины-диверсанты пытались все же овладеть республикой, и эти попытки на данный момент не прекращаются» (Карен, армянин, 1982 г.р.)⁷.

Во фрагментах интервью опрошенные стремятся использовать рассказ о травматическом опыте войны для объяснения отъезда или невозвращения на прежнее место жительства. Категория «нет плохих и хороших наций» вновь звучит в представленных фрагментах – свидетельство связанности тематики межнациональных отношений, переезда, возвращения и социальной адаптации на новом месте.

В текстах присутствует определенный нигилизм к нормам (стереотипам) восприятия людей по национальному признаку. Многие респонденты без особого внимания относятся к национальному составу жителей Карелии. На просьбу описать этнические особенности карелов большая часть мигрантов не откликнулась, даже в городе Олонец, где доля карелов велика. В Костомукше переселенцы часто не представляли, что живут на земле северных карелов. О вепсах многие не слышали совсем. Свою роль здесь, конечно, играет невыраженность антропологических различий у карелов и вепсов, редкое использование карелами и вепсами национального языка [Нагурная, 2017]. На наш взгляд, есть основания говорить об определенном дистанцировании от национального со стороны мигрантов в дискурсе. Эта стратегия, назовем ее «быть незаметным», видимо, помогает в социальной адаптации. Приведем пример, который позволяет продемонстрировать это. **«Муртаза:** Неужели нельзя людям за городом где-нибудь построить мечеть. Это же тоже люди, такие же жители. Те же люди. Великую Отечественную выиграли вместе. Это же таджики, узбеки, говорят “понаехали”. Ихние деды тоже же воевали, так же проходили это все. Такое отношение, я не понимаю. **Интервьюер:** Вы лично сталкивались с этим отношением? **Понаехали...** **Муртаза:** Я могу вам однозначно сказать, что я 6 лет на выезде работал, но не знаю, почему меня путали с белорусом, украинцем. <...> Кто меня не знает, они считают меня русским и называют вот [других при мне]: “Чурки. Черные”. Взрослые люди! Понимаете? И они говорят, со мной общаются, как будто я русский. И я киваю головой. И думаю, что же вам эти чурки сделали плохого? [смеется] Вот понаехали они, но что вот в этом такого? <...> А потом люди, которые узнают, откуда я, то люди совершенно меняются. Получается лицемерие глубоко-глубоко спрятано» (Муртаза, даргинец, 1979 г.р.)⁸.

В приведенном фрагменте, наряду с демонстрацией этнической мимикрии, есть сюжет обращения к теме Великой Отечественной войны. Этот прием респондентов может быть отнесен к «биографическим стандартам». В опросе нередко исследователю рассказывали о героях войны – представителях национальности, к которой принадлежал респондент. По всей видимости, упоминание респондентом героя Великой Отечественной войны своей национальности связано с государственной идеологией, в которой память о той войне служит фактором консолидации современного российского общества. Включение его национальности в ключевое для страны историческое событие – войну помогает переселенцу вписаться в социум, стать его частью.

Как этническая мимикрия может восприниматься и внешний облик жилища мигрантов, в котором мы редко встречали элементы национального убранства и декора. В этом вопросе, однако, не стоит торопиться с выводами, так как это часто связано с утратой имущества во время военных конфликтов, невозможностью купить или привезти в Карелию какие-то предметы. Приведем ряд примеров. **«Купили земельный участок. Построили <...> И в 90-м году все это благополучно опять взорвали, уничтожили. Один чайник у мамы остался, который на плите стоял, и печка. Печка не горит обычно. Один чайник. Такой маленький, заварочный. Она хранила его. Все фотографии, все документы. Все, что было до войны, все сгорело»** (Керим, чеченец, 1972 г.р.)⁹. **«Интервьюер:** Скажите, среди ваших вещей есть ли какие-то предметы, связанные с национальной традицией? То, что

⁷ ФА, оп. 3876, ед. хр. 21. С. 1.

⁸ Там же, ед. хр. 24–28. С. 9.

⁹ Там же, ед. хр. 15. С. 5.

вы перевозите с места на место и цените очень? **Малика:** Вы знаете, у меня нету такой вещи. Мы как-то выехали во время войны с Грозного. Всё что было у нас там ценного всё там и осталось. Во-первых, половину разворовали. Половина сгорела. Мы выехали просто со своими необходимыми вещами. То, что мы успели схватить и всё» (Малика, даргинка, 1973 г.р.)¹⁰.

Для многих мигрантов национальное убранство дома – мечта. На вопрос интервьюера об этнических специфических предметах их быта многим респондентам было нечего показать; стандартно-европеизированный стиль квартир редко «выдавал» национальность ее владельца.

Выводы. Анализ интервью привел нас к выводу о распространенности следующих биографических стандартов, связанных с «опытом войны». Каждый из них опосредованно связан с проблемами социальной адаптации и идентичности респондентов.

1. «Война лишила нас родины, но жизнь ценнее». Последствиями такой интерпретации для многих респондентов оказались: демонстрация своего рода двойной территориальной идентичности; стратегии гостевого режима пребывания на прежнем месте жительства.

2. «Нет хороших или плохих народов, есть хорошие или плохие люди». Эта установка глубоко связана с проблемами адаптации переселенцев на новом месте. Она дает им уверенность в том, что жить можно и в новой среде, в ином окружении. Такое утверждение часто связано с нежеланием проявлять национальное в публичной сфере Республики Карелия. Этнические особенности перемещаются в семейную сферу, постепенно вымываясь и из нее.

3. Апелляция к истории Великой Отечественной войны и участию в ней многонационального советского народа. В этом случае происходит своего рода смыкание двух предыдущих дискурсов: война и отношения между народами.

Представленные выше наблюдения свидетельствуют о том, что вопросы привыкания мигрантов к жизни на новом месте – в Карелии, глубоко связаны с проблемами межнациональных отношений. Травматический опыт локальных конфликтов постсоветской России оставил глубокий след в историях их жизней, но на сегодняшний день гораздо актуальнее для них вписывание в новую среду, поиск механизмов успешной адаптации, где «память о войне», пусть и другой, оказывается аргументом для консолидации. Наши интервью в этом «военном» аспекте демонстрируют стремление перейти от разделяющих воспоминаний к объединяющим воспоминаниям с принимающим обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. [Assman A. (2014) *Long Shadow of the Past. Memorial Culture and the Historical Policy*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Нагурная С.В. Повышение престижа младописьменных языков Карелии // Folklore and Written Traditions of the Finno-Ugric Peoples. Abstracts of the 5th Day of Agricola Conference. Tartu Narva: University of Tartu Narva College. 2017. С. 52–54. [Nagurnaya S.V. (2017) Increasing the Prestige of Young Written Languages of Karelia. In: *Folklore and Written Traditions of the Finno-Ugric Peoples*. Abstracts of the 5th Day of Agricola Conference. Tartu Narva: University of Tartu Narva College: 52–54. (In Russ.)].
- Щербакowa Д.И. Этнические стереотипы в русско-чеченских отношениях. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. [Shcherbakova D.I. (2009) *Ethnic Stereotypes in Russian-Chechen Relations*. Rostov-on-Don: SKNTs VSh YuFU. (In Russ.)].
- Alheit P. (1990) *Biographizität als Projekt. Der "biographische Ansatz" in der Erwachsenenbildung. Werkstattberichte des Forschungsschwerpunkts Arbeit und Bildung*. Bremen: Donat Verlag. (In Germ.)
- Bauer S. von (2018) *Biografische Lern- und Bildungserfahrungen alleinerziehender Mütter. Eine qualitative Analyse*. Bamberg: University of Bamberg Press. DOI: 10.20378/irbo-51436. (In Germ.)

¹⁰ ФА, оп. 3876, ед. хр. 5. С. 10.

- Felden H. von, Schmidt-Lauff S. (2015) Transitionen in der Erwachsenenbildung: Übergänge im gesellschaftlichen Wandel, im Fokus von Forschung und aus Sicht pädagogischer Professionalität. In: *Transitionen in der Erwachsenenbildung. Gesellschaftliche, institutionelle und individuelle Übergänge* / S. Schmidt-Lauff, H. von Felden, H. Pätzold. Opladen; Berlin; Toronto: Budrich: 11–16. (In Germ.)
- Flick U. (1995) *Qualitative Forschung*. Reinbeck; Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag. (In Germ.)
- Heinze T. (1995) *Qualitative Sozialforschung*. Opladen: Leske + Budrich. (In Germ.)
- Ludwig J. (2005) Bildung und expansives Lernen. *Hessische Blätter für Volksbildung*. 4: 328–336. (In Germ.)

Статья поступила: 06.05.19. Принята к публикации: 01.07.19.

IMPACT OF “WAR EXPERIENCE” ON MIGRANTS’ SOCIAL ADAPTATION (Based on Biographic Interviews)

YALOVITSYNA S.E.

Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Russia

Svetlana E. YALOVITSYNA, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Vice-director of Institute of Linguistics, Literature and History of KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia (jalov@yandex.ru).

Acknowledgements. The study was carried out under state order of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Abstract. Issues of migrants’ social adaptation based on deep biographical interviews are discussed. The study was conducted in 2018 in the Republic of Karelia among immigrants from the Caucasus and Central Asia: Avars, Azerbaijanis, Armenians, Dargins, Ingush, Chechens, Tajiks, Uzbeks. All respondents belong to the category of forced migrants who came to the territory of Karelia mainly from the mid-1980s until 2013 as a result of local military conflicts. The study uses the method of biographical standards – repetitive biographical structures and discourses allowing key problems of adaptation to life in new conditions for migrants to be identified. The analysis of the data supports the definition of key content categories, detection of contradictions and doubts that allow to penetrate conflicts between individuals and society and to understand challenges of social adaptation in the new region. Biographical standards and typical content categories testify to the displacement of traumatic experience of local wars for migrants by the issues of successful inclusion in the host society, mimicry to it. Even memory of the Great Patriotic war and its consolidating potential in terms of interethnic relations serve these interests.

Keywords: migrants, migration, social adaptation, identity, standard of biography, interview, local wars.

Received: 06.05.19. Accepted: 01.07.19.